

Список цитируемых источников

1. Гелашвили, Д. Б. Экологический мониторинг. Методы биологического и физико-химического мониторинга : учеб. пособие / Д. Б. Гелашвили ; под ред. проф. Д. Б. Гелашвили. — Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2006. — 212 с.
2. Костина, Н. В. Эколого-информационная система большого региона как основа экологического мониторинга / Н. В. Костина // Региональный экологический мониторинг в целях управления биологическими ресурсами : сб. ст. — Тольятти : ИЭВБ РАН, 2003.
3. Ахметов, Н. С. Общая и неорганическая химия : учеб. для вузов / Н. С. Ахметов. — 7-е изд., стер. — М. : Высш. шк., 2008. — 743 с. : ил.
4. Хуторянский, Я. Радиновый портрет: версия уральских экологов / Я. Хуторянский // Стройкомплекс Сред. Урала. — 2003. — № 1. — С. 52—55.

УДК 159.99

Т. В. Азарко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

ВИРТУАЛЬНАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Введение. На современном этапе существуют две формы организации межличностных взаимоотношений: реальные и виртуальные. Межличностное взаимодействие — это процесс непосредственного или опосредованного воздействия объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь. Разновидностью межличностного взаимодействия выступает виртуальное взаимодействие. Виртуальная коммуникация — это общение с удаленным партнером или группой, опосредствованное компьютером и телекоммуникационными системами. Отличительные особенности виртуальной коммуникации: опосредованность, дистантность, интерактивность, глобальность.

Если для нынешних взрослых навыки общения с помощью электронных писем, мгновенных сообщений, чатов являются надстройкой над уже приобретенными навыками общения вживую, то нынешние дети и подростки осваивают и те и другие навыки практически одновременно. В отношении подростков можно говорить о том, что процесс социализации в значительной степени перемещается в Интернет вместе со знакомствами, референтными группами, освоением различных социальных ролей и норм. Появление Интернета позволило состояться «виртуальному общению», которое стало для многих ресурсом и открыло дополнительные социальные возможности [1], но в тоже время существенно усилило риск виктимизации, с одной стороны, и вероятности закрепления модели виктимного поведения к подросткам, с другой стороны.

Основная часть. Анонимность, допустимая в Интернете, позволяет человеку экспериментировать с различными социальными ролями и разными «Я». При этом человеку не нужно бояться негативной оценки или социальных санкций, которые бы последовали при общении вживую. Это подтверждается данными 2005 года, согласно которым четверть подростков в Интернете выкладывают о себе ложную информацию относительно пола, возраста, этноса, политических взглядов, сексуальной ориентации; чуть больше половины имеют больше одного электронного адреса или никнейма [2]. По другим данным, 39 % подростков пытались разыграть кого-то или представлялись другим человеком в обмене мгновенными сообщениями. Мы остановимся здесь на той стороне общения в Интернете, которая представляет собой отчетливую социальную проблему и нуждается в обсуждении и поиске методов решения. Речь идет о кибербуллинге — новой и стремительно распространяющейся и за рубежом, и в Беларуси форме травли, использующей возможности Интернета (в первую очередь, анонимность и огромное число пользователей) для агрессивного преследования человека. С тех пор как в 1993 году норвежский психолог Д. Ольвеус дал следующее, ставшее общепринятым определение травли в детской и подростковой среде: «буллинг (травля) — это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство власти или силы», — данная тема стала одной из самых обсуждаемых в контексте детских [1]. Здесь агрессивное преследование человека приобрело новые формы с применением разнообразных современных технологий. Эти формы травли, называемые кибербуллингом, вызывают сильную тревогу у детей, родителей и специалистов. Обычный буллинг в некотором смысле честнее и безопаснее, потому что в нем нет неопределенности, присутствующей в виртуальном пространстве. Подростки выступают наиболее уязвимой группой для кибербуллинга. По результатам современных исследований, 78 % детей (т. е. практически все горожане) от 6 до 18 лет ежедневно пользуются Интернетом [3]. Растет популярность социальных сетей, где пользователь заводит себе индивидуальный профиль и может публиковать информацию разной степени откровенности. При этом понимание рисков, связанных с отсутствием конфиденциальности, нарушением личных границ и возможно-

стью злоупотребления доступной информацией, у подростков, как и у взрослых неопытных пользователей, зачастую недостаточно. Более 72 % подростков имеют персональный профиль в социальных сетях. До 80 % детей выкладывают в Сеть свою фамилию, точный возраст, номер школы, и у трети опрошенных детей настройки профиля позволяют всем видеть личную информацию о пользователе; за рубежом 62 % детей выкладывают в общий доступ личные фотографии.

Кибербуллинг, электронная травля, социальная жестокость онлайн — это отдельное направление травли, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, систематически на протяжении определенного времени осуществляемые группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя легко защитить [2]. Кибербуллинг включает в себя использование электронной почты, мгновенных сообщений, веб-страниц, блогов, форумов и чатов, ММС- и СМС-сообщений, онлайн-игр и других информационных технологий коммуникации. Как и традиционный буллинг, кибербуллинг может быть прямым и косвенным. Прямой кибербуллинг — это непосредственные атаки на ребенка через письма или сообщения. При косвенном кибербуллинге в процессе травли жертвы вовлекаются другие люди (как дети, так и взрослые), но не всегда с их согласия; преследователь может взломать аккаунт жертвы и, мимикрируя под хозяина, рассылать с этого аккаунта сообщения знакомым жертвы, разрушая коммуникативное поле жертвы и порождая сомнение в его моральных качествах. Одна из наиболее угрожающих ситуаций — когда преследователь публикует в сети Интернет информацию, которая в действительности подвергает жертву опасности, например, от ее имени размещает объявление о поиске сексуальных партнеров. Как и традиционная травля, кибербуллинг включает в себя континуум поступков, на одном полюсе которого действия, с трудом распознающиеся окружающими как преследование, а на другом — жестокое поведение агрессора, которое может приводить даже к смерти жертвы [1].

Современные исследователи приводят следующие самые распространенные сейчас способы травли в электронном пространстве:

1) флей-минг, который начинается с оскорблений и перерастает в быстрый эмоциональный обмен репликами, обычно публично, реже в частной переписке. Происходит между двумя собеседниками с изначально равными позициями, однако внезапная агрессия вносит дисбаланс, усиливающийся за счет того, что участник не знает, кого его противник может привлечь на свою сторону в этом сражении. Посетители форума, свидетели могут присоединиться к одной из сторон и развивать грубую переписку, не до конца понимая изначальный смысл столкновения и зачастую рассматривая ситуацию как игровую, в отличие от инициаторов агрессивного диалога. Можно сравнить это с дракой «стенка на стенку», где участники не до конца понимают, ни что стало поводом конфликта, ни каков критерий присоединения соратников;

2) харассмент — это адресованные конкретному человеку, обычно настойчивые или повторяющиеся слова и действия, которые вызывают у него раздражение, тревогу и стресс и при этом не имеют разумной цели. Киберхарассмент обычно выражается в повторяющихся оскорбительных сообщениях жертве, от которых она чувствует себя морально уничтоженной, следовательно она не может ответить по причине страха или невозможности идентифицировать преследователя, а иногда вынуждена оплачивать полученные сообщения;

3) гриферы — игроки, целенаправленно преследующие других игроков в многопользовательских онлайн-играх. Они нацелены на разрушение удовольствия от игры у других игроков, активно используют брань, блокируют отдельные области игры и мошенничают. Это сочетание вандализма с травлей, в «материальном» мире напоминающее поведение детей, которые приходят растоптать куличики, слепленные детьми помладше в песочнице, лишая их сразу удовольствия от игры и полученных достижений;

4) троллинг — кибертролли публикуют негативную, вызывающую тревогу информацию на веб-сайтах, страницах социальных сетей, даже на мемориальных страницах, посвященных умершим людям, провоцируя сильную эмоциональную реакцию. В дословном переводе «trolling» означает ловлю рыбы на блесну. «Реальных» троллей обычно называют провокаторами — это те, кто используют «слабые места» других для того, чтобы с помощью манипуляции поддеть человека и получить удовольствие от его аффективного взрыва. Агрессор в этом случае переживает ощущение всемогущества за счет власти над жертвой, ее эмоциональным состоянием;

5) киберсталкинг — использование электронных коммуникаций для преследования жертвы через повторяющиеся вызывающие тревогу и раздражение сообщения, угрозы противозаконных действий или поворждений, жертвами которых могут стать получатель сообщений или члены его семьи;

6) секстинг — это рассылка или публикация фото- и видеоматериалов с обнаженными и полуобнаженными людьми. Чем старше дети, тем выше вероятность их вовлечения в секстинг. По данным исследования, 10 % молодежи 14—24 лет отправляли или публиковали изображения самих себя с сексуальным подтекстом, 15 % получали такие сообщения непосредственно от кого-то другого [1];

7) распространение клеветы — это публикация и рассылка унижающей и ложной информации о человеке, его искаженных изображений, в частности в сексуализированном и (или) наносящем вред его репутации виде, и др. Одной из форм клеветы являются онлайн-слэм-буки. Слэм-буки — тетради, в которых одноклассники размещают различные рейтинги и комментарии — «кто самая красивая девушка в классе», «кто одевается хуже всех» и т. п. Онлайн-слэм-буки — это созданные для развлечения сайты, где одноклассники публикуют подобные рейтинги и комментарии, часто грубые и неприятные;

8) выдача себя за другого — преследователь, используя украденный пароль, с аккаунтов жертвы и как бы от ее лица рассылает негативную, жестокую или неадекватную информацию ее знакомым. Жертва испытывает сильное унижение при получении обратной связи и часто теряет друзей. Кроме того, преследователь с помощью пароля может менять персональный профиль жертвы на веб-сайте, размещать там неуместную, оскорбительную информацию, рассылать угрожающие или унижающие сообщения с электронного адреса жертвы. В крайнем случае, преследователь может публиковать на форумах провоцирующие оскорбительные сообщения или комментарии, подписываясь именем жертвы и указывая ее реальные имя, адрес и телефон, тем самым ставя жертву под угрозу реального преследования и нападения.

Важность для человека его признания со стороны сообщества эксплуатируется также при публикации видеозаписей физического насилия / хулиганского нападения. Хэппи-слеппинг — хулиганское нападение на прохожего группой подростков, во время которого один из хулиганов снимает происходящее на видеокамеру мобильного телефона. Для усиления чувства унижения у жертвы преследователи выкладывают видеозапись нападения в Интернет, где тысячи зрителей могут смотреть и комментировать ее.

Исследователи выделяют четыре категории детей, занимающихся кибербуллингом, в зависимости от мотивации к этому занятию и стиля его осуществления: а) «ангел мести» (ощущает себя правым, часто мстит за то, что сам оказался жертвой буллинга в школе); б) «жаждущий власти» (похож на традиционного преследователя со школьного двора, хочет контроля, власти и авторитета, однако может быть меньше и слабее сверстников, либо может вымещать свою злость и беспомощность, оказавшись в состоянии уязвимости, например, при разводе или болезни родителей); в) «противная девчонка» (может быть и девочкой, и мальчиком; занимается кибербуллингом ради развлечения, связанного с испугом и унижением других); г) «неумышленные преследователи» (включаются в кибербуллинг по инерции вслед за полученными негативными сообщениями о ком-то, часто в результате косвенной травли, в которую их вовлекают как свидетелей и соучастников) [3]. На сегодняшний день исследователи полагают, что жертвами кибербуллинга зачастую становятся примерно те же дети, которых преследуют вживую: по разным причинам более уязвимые и менее уверенные в себе, часто имеющие какие-то отличия во внешнем виде, происхождении, поведении, состоянии здоровья по сравнению со сверстниками [4].

Подобно традиционной травле, кибербуллинг предполагает систематичность, агрессивность и неравенство в силе/власти преследователя и жертвы [5]. Однако власть в киберпространстве имеет и особенности: преследователь анонимен, может скрываться за ложными идентичностями и обращаться к огромной аудитории, внимающей слухам и клевете; вдобавок жертва притеснения доступна через электронные приспособления всегда и везде [5]. И если в обычной травле преследователя могут остановить не столько моральные аргументы, сколько возможные затраты, то кибербуллинг практически не требует ни прерывать основную деятельность, ни отвлекаться от нее, т. е. это очень комфортный способ повышения уровня адреналина.

В отличие от традиционной травли, где агрессор известен в лицо и его можно попытаться избежать, в киберпространстве преследователь часто анонимен. Жертва не знает количество преследователей, их пол, возраст, а также о наличии реальных отношений с виртуальным агрессором. Такая неопределенность усиливает тревогу, жертва может начинать фантазировать о могуществе и силе агрессора и в связи с этим — о собственной незащитности и уязвимости, опираясь на свой личный прошлый опыт, персональные переживания.

Неопределенность подкрепляется непрерывностью: травля через Интернет и сотовые телефоны может не прекращаться ни днем, ни ночью. Более того, одно опубликованное сообщение может работать как многократный акт травли, вызывая все новые болезненные для жертвы комментарии, не считая того, что жертва сама может перечитывать полученный оскорбительный или угрожающий текст и переживать ретравматизацию. Поскольку Интернет выполняет коммуникативную функцию и является пространством социализации, жертва может переживать ситуацию травли как полную потерю возможностей для построения отношений, развития, социализации [6].

Заключение. В современном мире имеет место тревожная тенденция перенесения межличностной коммуникации из реального мира в плоскость сети Интернет, что существенно осложняет предупреждение в кибервиктимизации в отношении учащихся подросткового возраста, актуализирует проблему социального научения подростков формам ассертивного реагирования на виктимизирующие действия в сети Интернет и формам невиктимного поведения в виртуальной коммуникации. Кроме того, нарастающая модификация форм виртуальной виктимизации отражает необходимость многоаспектных, междисциплинарных исследований данного феномена и поднимает проблему стремительного устаревания психологических знаний.

Список цитируемых источников

1. Иванова, А. К. Буллинг и кибербуллинг как явление образовательной среды: примеры современных исследований проблемы / А. К. Иванова // Мир науки. — 2018. — Т. 6, № 5.
2. Лэйн, Д. А. Школьная травля (буллинг) / Д. А. Лэйн // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лейна и Э. Миллера. — М., 2001. — С. 240—274.
3. Уорнер, М. Виртуальные организации. Новые формы ведения бизнеса в XXI веке / М. Уорнер, М. Витцель. — М.: Добрая кн., 2005. — 228 с.

4. Осадчая, А. В. Психологическое и психосоматическое воздействие кибербуллинга на всех его участников [Электронный ресурс] / А. В. Осадчая, Е. А. Макарова // Вестн. Таганрог. ин-та упр. и экономики. — 2017. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-i-psihsomaticheskoe-vozdeystvie-kiber-bullinga-na-vseh-ego-uchastnikov>. — Дата доступа: 12.03.2019.

5. Нежебицкая, И. А. Влияние виртуальной реальности на подростков / И. А. Нежебицкая // Молодой ученый. — 2017. — № 51. — С. 259—262.

6. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления : пособие / под ред. Е. Н. Волковой. — СПб. : Питер, 2008. — 240 с.

УДК 159.99

Т. В. Азарко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИРТУАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ ПОДРОСТКОВ

Введение. Ведущей деятельностью подросткового возраста, в которой наиболее продуктивно развиваются все психические процессы, является интимно-личностное общение со сверстниками. Общение — чрезвычайно важный и специфический канал передачи информации. Содержанием потребности в общении является стремление к признанию и уважению среди сверстников. Несформированность навыков взаимодействия, коммуникативных навыков, малый опыт переживания различных жизненных ситуаций может приводить к виктимному поведению у подростков.

Проблему виктимности в современной науке исследовали многие ученые. Среди российских ученых проблемами виктимности занимались О. О. Андроникова (изучала психологические факторы возникновения виктимного поведения у подростков) [1], М. А. Одинцова (изучала психологические особенности виктимной личности и предложила свою классификацию виктимности личности) [2]. В работах российского исследователя Л. В. Жихаревой раскрыты причины формирования девиантной виктимности у подростков [3]. В исследованиях российских ученых М. В. Виноградовой, И. Г. Григорьевой, А. В. Молчановой, Л. В. Соколовой [4] осуществлен интегративный подход к изучению причин возникновения виктимной деформации в юношеском возрасте, выявлена динамика регулирующих черт личностной виктимности с опорой на склонность действовать определенным образом. В исследованиях российского ученого М. П. Долговых изучены психологические детерминации проявления виктимного поведения личности подростка [5].

Такие известные белорусские ученые, как Н. И. Олифирович, Л. А. Пергаменщик, Н. К. Плавник, А. А. Стреленко, И. А. Фурманов, С. С. Харин, Т. Е. Яценко также посвящали свои исследования изучению проблемы виктимного поведения. Предметом исследования А. А. Стреленко стали социально-перцептивные образы виктимной личности [6; 7]. В своих исследованиях Т. Е. Яценко [8; 9; 10] виктимность рассматривает не только как социальный феномен, но и с точки зрения внутриличностных предпосылок формирования виктимного поведения, позволяет качественно по-новому посмотреть как на саму проблему виктимности, так и на вопросы ее коррекции; описывает типологию виктимности. Исследования Н. К. Плавник направлены на выявление проявления виктимности как предпосылки формирования жертв социализации среди подрастающего поколения [11]. В своих исследованиях белорусский ученый И. А. Фурманов, российские ученые Л. И. Дементий, В. Е. Купченко провели сравнительный анализ виктимизации белорусских и российских школьников со стороны сверстников [12; 13].

На сегодняшний день ученые отмечают, что виктимность уже перешла из пласта реального взаимодействия в пласт интернет-общения. Одним из первых российских ученых, обратившихся к проблеме влияния компьютерных технологий на человека, был О. К. Тихомиров, который обосновал необходимость психологической оценки процесса компьютеризации и его последствий [13]. В исследованиях А. В. Мудрика принято относить глобальную сеть Интернет к мегафакторам социализации [14].

Проблема виктимности актуальна и для интернет-пространства. Одними из первых исследователей темы буллинга являются: П. Хайнеман, А. Пикас, Э. Роланд, Д. Олвеус и др. Отношение к проблеме буллинга изменилось после выхода трудов Д. А. Лэйна, которые были посвящены видам изучаемого психологического террора. Важную роль также сыграла публикация работ Э. Роланда и Э. Мунте, в которых были описаны основные, ставшие общепринятыми, подходы к рассмотрению данной проблемы [15]. С каждым годом ее освещение, а также изучение путей решения становится все более популярным, постепенно получая развитие в Беларуси.